

Каждый выбирает для себя

Автор: Галина Лавыгина

2026г

Содержание

Глава 1

Почему я уехала.....	06
----------------------	----

Глава 2

Прилетели мы в Израиль.....	22
-----------------------------	----

Глава 3

Моя Маша.....	44
---------------	----

Глава 4

Моя мама.....	51
---------------	----

Послесловие, 2026г.....

52

Каждый выбирает для себя

Галины Лавыгина.

Это история о том как трудный выбор обернулся неожиданным, невероятным счастьем.

Меня зовут Галина. Я родилась в 1941 году в мире, который тогда назывался Советским Союзом. Эта история - не просто рассказ о прошлом, а путь моего личного пробуждения, который привёл меня к очень трудному, но как оказалось самому верному решению в моей жизни.

Это рассказ о том, почему в 1990 году в возрасте почти 50-ти лет я решила покинуть Советский Союз вместе с моей мамой, которой на тот момент было за восемьдесят, и моей маленькой дочерью, которой было всего семь лет. Я решила назвать свою историю “Каждый выбирает для себя”, потому что в конце концов, где бы мы ни родились и чему бы нас ни учили, каждому из нас приходится делать СВОЙ выбор. Выбор между страхом и дерзостью, между молчанием и живым словом , между выживанием и подлинной жизнью. Это история о том, как свой выбор сделала я.

Мы имеем возможность, именно возможность и уже наше дело воспользоваться ею или нет.

Про нашу алию

Что значит “нашу”?

Это идея Маши: три женщины - моя мама, Маша и я - напишем об этом времени. А как же моя мама? Ведь...А мы напишем за неё - по её письмам. У меня есть её письма к Томочке и Эрику (они прислали мне их по моей просьбе), а также письма к Игорю, которые я попросила вернуть. Письма эти подобны письмам с фронта - в них твёрдость, собранность и радость от каждой, даже самой маленькой победы над естественными трудностями жизни с нуля. Они непосредственные, трогательные, искренние. Томочка и я не можем их читать - ревём и всё тут. Но деваться некуда.

Вот мы - эти три женщины

Для кого это написано?

Для Маши. Она ведь не уехала - семилетнюю её даже не спрашивали, просто увезли.

Для ее семьи. Они, британцы, не имеют представления ни о Советском Союзе, ни об Израиле, ни о том, что значит быть “олим ходашим ми Русия”.

На сколько Европа и мы имеем разную историю одних и тех же событий мне пришло в голову, когда я как-то сказала новым своим родственникам: мое свидетельство о рождении выдано в первый день Второй Мировой войны и меня спросили : сентябрь 1939-ого? Вот так, для нас это июнь 1941-ого, а их уже 2 года бомбят. И - немного для тех, кто в России...

Маша давно и упорно просила: "Пиши, как всё это было". Даже тетрадку для этого купила - очень красивую. Я начала писать и время от времени читала Маше. И однажды она сказала: "Я хочу сделать из этого фильм." Мы начали снимать, но, увы, вскоре пришли к выводу: Маша - не Стивен Спилберг, а я - не Морган Фриман. Так родился этот сайт "Каждый выбирает для себя". Я ходила и бормотала эти строки Юрия Левитанского - то так, то сяк. И вдруг поймала себя на мысли: ну так я последние тридцать лет и живу в стране, где у человека и в самом деле есть выбор. Он - и только он - решает: "Дьяволу служить или пророку..." Я не хочу сказать, что в Израиле нет жуликов, ловкачей и прочих. Но здесь есть возможность жить без

всего этого, и при этом не нужно быть ни героем, ни борцом, а просто - в лучшем смысле этого слова - обывателем.

У нас есть возможность. Именно возможность. И уже наше дело - воспользоваться ею или нет.

Моя история состоит из четырёх частей.

Первая глава рассказывает о том, как ко мне пришло ощущение невозможности продолжать жить в России - стране с её законами, а точнее, с беззаконием, где несчастное, унижаемое на каждом шагу общество забыло о чувстве собственного достоинства.

Вторая глава посвящена нашему новому началу в другой стране - жизни, полной испытаний, но также чудес, красоты и открытий. Это была земля, где нам пришлось строить всё с нуля, но каждый маленький шаг вперёд ощущался как настоящая победа.

Третья глава - это сборник маленьких историй, рассказанных моей дочерью Машей, - порой забавных, порой трогательных. Но сквозь них проступает драма ребёнка, внезапно оказавшегося в мире изобилия - того, что раньше “только в кино видела”, и полного безденежья.

И, наконец, **последняя глава** - принадлежит моей маме. Через её письма вы увидите наш путь её глазами. Эти письма совсем не похожи на послания старой, очень большой женщины, оказавшейся на склоне лет в совершенно ином мире:

другие климат, еда, одежда, праздники - да и вообще всё, всё другое. Она нисколько не растеряна, с радостью подмечает всё хорошее, не жалуется и не сетует на вполне естественные трудности.

Глава 1 – Почему я уехала

Почему я уехала. Что заставило меня в свои почти 50 лет с 7-летней дочкой и 83-летней очень нездоровой мамой оставить все, все, все и уехать в совершенно незнакомую страну , не зная даже алфавита языка, на котором предстояло жить и работать.

По правде сказать, я не ехала в Израиль - я уезжала из страны, вернее из государства, реалии которого стали для меня вдруг невыносимы, я уже не хотела, не могла мириться с ними, они буквально выдавливали меня.

Случилось словно вдруг, хотя на самом деле давно копилось исподволь. И произошло то, что - слава Богу - произошло: количество перешло в качество. Я помню, как это случилось. Надо сказать, что с приходом Горбачёва страна, казалось, была готова стать нормальным, цивилизованным, правовым государством. Без страха, без оглядки заговорили. Писали о том, что так долго было под запретом.

Выступления депутатов на сессии Верховного совета ошеломляли и вселяли надежду. В университете главном здании лобби превратилось в Гайд Парк. Стояли щиты с газетными вырезками - письмами и приказами “доброго дедушки” Ленина. Все его многочисленные «стрелять стрелять, стрелять» были подчеркнуты красным карандашом из-за чего сами щиты казались красными. Информация каждый день пополнялась, народ толпился, удивлялся, обсуждал.

И вот - речь Горбачёва, которую все ждали с большими надеждами и которую широко транслировали. Слушаю - и что же? Те же штампы, тот же стиль. И я начинаю осознавать: нет, никаких коренных изменений быть не может - всё то же. Нет и не будет места в этой стране простому, в хорошем смысле этого слова, обывателю. Ты либо большой негодяй у “кормушки”, либо подворовывающий, жульничаящий негодяй помельче, либо жертва их обоих, или... борец, герой - со всеми вытекающими последствиями.

И я промолчала...

В конце 70-годов мы с мужем хотели поехать к морю с выздоравливающим ребёнком не “дикарем”, а по путевке - с гарантированным жильем и питанием. Такие путевки можно было купить (“получить”) только в профсоюзах на работе. У мужа на работе сказали, что у них нет. Я пошла в свой факультетский профком. Там мне сказали, что и у них таких путёвок нет и посоветовали пойти в объединённый профком университета.

Я и пошла. Там ко мне отнеслись сочувственно и предложили 2 путевки на выбор. Честно говоря, обе они были не очень и я спросила могу ли подумать. И тут профсоюзный деятель произнёс фразу, которую я до сих пор не могу забыть. Он сказал: “*думайте, только не очень долго. Вы же понимаете, что это не для вас предназначено.*” Он так и сказал: “*вы же понимаете*”.

Я к тому времени проработала в университете 10 лет, ни разу не пользовалась профкомовскими путевками. По формальным критериям они да были предназначены для меня. А профкомовский деятель, посмел сказать, не опасаясь, не стесняясь, прямым текстом , что путевки для блатных, для «нужных», для «своих» людей и что я должна это понимать.

Профком и деятель были последняя и единственная возможность свозить ребёнка к морю в более сносных условиях. И я промолчала...

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова - где я училась и работала.

Бесконечное бытовое унижение

Ну, конечно, не из-за профсоюзного деятеля я уехала, хотя ситуация эта не забывается. Как-то вдруг сложилась общая картина жизни в стране. Бесконечное бытовое унижение, а самое главное, в стране совершенно исчезло понятие "человеческое достоинство".

Воровство стало нормой. Вполне порядочные люди "тащили" с работы что мог и нисколько не смущались, а даже и бравировали этим. Продавцы воровали, обманывали покупателей - и это было привычным. Их зарплата была как будто

специально так мала, чтобы побуждать их к воровству и продаже с “чёрного входа”.

Мой двоюродный брат как то похвалялся, что он с “чёрного входа” покупает мясо без костей. Вот написала и думаю, современный читатель скажет: *“Ну и что тут такое? Какое хочу, такое покупаю.”* Дело в том, что тогда в магазинах мясо было одного вида, с костями и по одной цене. И если мой брат, приплатив сверх магазинной цены продавцу в карман, получал без костей, то продавец оставшиеся кости подкладывал кому-нибудь другому. И этот несчастный мог сколько угодно протестовать против дополнительных костей к его кусочку мяса.

Продавец был непреклонен. Я тогда и сказала брату: *“А как ты думаешь, кто покупает твои кости? Я покупаю!”* Он совсем неплохой человек, мой двоюродный брат, а вот баxвалился жульничеством.

Такое впечатление, что все специально было построено так, чтобы люди ловчили, жульничали. Приходилось нарушать и тем, кто с этого ничего не имел. Моя мама работала экономистом-финансистом. Она должна была обеспечивать (финансово) геолого-разведывательные партии оборудованием, жильём и прочим. Она говорила, что если бы она не нарушала инструкции, обеспечить партии было бы невозможно. Получалось, что сама система подталкивала ко всякого рода правонарушениям, часто вынужденным и абсолютно бескорыстным и таким образом, каждый оказывался под “колпаком”. Если человек становился неугоден, с ним легко можно было расправиться. Каждому было чего предъявить.

На тему воровства с работы смешно шутил про меня мой муж: *“А что Галина может украсть? Интеграл, да и тот несобственный!”*

Гуляю с маленькой Машей около нашего дома

Гуляю с маленькой Машей около нашего дома в Матвеевском. Пенсионерка на скамеечке рассказывает: “Я 30 лет проработала на заводе у станка.” А затем с гордостью: “и вот мне дали квартиру со всеми удобствами.” Я не выдерживаю и говорю : “Да вы за эти 30 лет несколько таких квартир заработали. А вам гроши платили, а потом дали малость. Не Вы выбирали, где жить, в каком районе, в каком доме, как будто не вы 30 лет у станка работали. Вас грабили все эти 30 лет.”

Не помню ни ее лица, ни ее имени, но хорошо помню лютую ненависть в ее глазах, когда она молча смотрела на меня.

Скажут сажать, мы будем сажать.

Было это в конце 70-х. У Олега украли велосипед: он гулял на школьном дворе, на минуту отвернулся - и велосипеда не стало. Мы понимали , что обращаться в милицию (полицию) совершенно бесполезно, но все-таки пошли. Милиционер оказался очень симпатичным молодым парнем. Мы с ним славно побеседовали ‘за жизнь’. Запомнилось мне, как он сказал: ‘Вот, если нам скажут сажать за это (некое абстрактное ‘это’) - мы будем сажать, а если скажут не сажать - мы не будем сажать.’ И произнёс он это обыденным тоном - не осуждая, без горечи и не бравируя, наверняка не осознавая чудовищности сказанного. Вот так - правовая системы вполне привычно руководствуется не законом, а тем что ‘скажут’.

Да она, всего лишь жена референта!

Моя школьная подруга Леночка одно время работала врачом невропатологом в 4 управлении Минздрава СССР, обслуживающее высших партийных советских чиновников.

Она рассказывала мне, как однажды вызывает ее начальство и спрашивает, почему она такую-то больную направила на лечение в такое-то место. Лена отвечает, что у этой больной показания на лечение именно в том месте, куда она ее и направила. На что начальник возмущается: ‘Да она, то есть больная, всего лишь жена референта!’

Вот так, направлять надо было не в соответствии с болезнью, а в соответствии с занимаемой должностью. Лена вскорости ушла оттуда.

Итак решено - уезжаем! Куда?

Конечно в Америку. Решить то я решила, а страшно до жути. Сняться леденящие сны, будто падаю я в холодную, глубокую пропасть.

Любой переезд связан с теми или иными трудностями. А переезд в другую страну, да ещё такую непохожую на прежнюю, и подавно. Но в нашем случае он приобретал по-настоящему трагический характер, поскольку в конце 80-х это было - “навсегда” и “никогда”. Отъезд приравнивался к измене Родины. Человека лишали гражданства, и он терял право на въезд в страну. Прощались **навсегда**, понимая, что больше **никогда** не смогут увидеть родных и друзей, навестить родные могилы.

Мама говорит, что если она там может быть мне в помощь, то она, конечно, со мной. Начинаем процесс, едем в американское посольство, стоим в какой-то очереди, заполняем какие-то бумаги.

“давайте Галя я Вам погадаю...”

Наступает лето. На даче очень симпатичная соседка Екатерина Ивановна, в прошлом врач психиатр зовёт меня к себе и говорит: *“давайте Галя я Вам погадаю.”*

Я немножко удивилась ее предложению, но тут ее сестра, Вера Ивановна, добавляет: *“Екатерина Ивановна гадает только тем, кому особенно симпатизирует”*. После этого стало особенно любопытно. Раскидала Екатерина Ивановна карты, подумала, помолчала и потом грустно так сказала: *“Знаете Галя, я Вам ничего не скажу”*.

Дача в Головково, Солнечногорский район.

Лето кончилось. Возвращаемся в Москву. Узнаем, что политика изменилась и Америка не принимает еврейских эмигрантов.

Таким образом возникает Израиль.

Начинаю интересоваться страной, о которой кроме как “израильская военщина”, “преступные действия сионистов” и тому подобное ничего другого не слышала.

Хожу на различные мероприятия, где можно услышать об Израиле, знакомлюсь с отказниками, они приглашают на встречи с израильтянами. Запомнилось, что у любого, кого я спрашивала об Израиле первым делом появлялась улыбка, улыбка как при взгляде на что-то очень приятное и милое.

Почему-то меня не интересовали “полезные” советы, я только спрашивала : “*А я там не пропаду?*”

В журнале “Огонёк”

И тут происходит знаменательное событие. В конце 1989 года в Израиле приземляется угнанный из СССР самолёт.

В журнале “Огонёк” появляется репортаж с фотографиями.

Меня поразили израильские военные, охраняющие аэропорт и встречающие угнанный самолёт. Спокойные, уверенные профессионалы. И все было сделано исключительно аккуратно и с достоинством. Угонщиков передали советским властям на условии, что к ним не будет применена исключительная мера наказания - расстрел, применявшаяся в Советском Союзе.

Причина такого требования состояла в том, что в законодательстве Израиля нет смертной казни.

Помню этот журнал у нас на кафедре в комнате для совещаний. Все подходили, смотрели и уважительное выражение появлялось на лицах.

Вот наверное в этот момент и произошёл во мне перелом.

Я в Израиль не от безвыходности, а с благодарностью и радостью, что есть такая страна и она готова принять меня и мою семью.

Все будет хорошо

Летом на даче Екатерина Ивановна опять меня зовёт погадать И на этот раз она мне радостно сообщает: “все будет хорошо.” Я же ей о своих планах ни в первый раз, ни сейчас не рассказывала. Леденящие сны тоже перестали сниться.

Моя дочь Маша на даче в конце 1980-х годов

Сначала надо было получить из Израиля приглашение от родственника. Тем, у кого родственников не было надо было каким либо способом передать свои данные в Израиль.

Один из способов - через голландское посольство в Москве. (в то время между Советским Союзом и Израилем не было дипломатических отношений, соответственно не было и израильского посольства). Посредником выступала Голландия.

Надо было подойти к посольству и бросить через забор под недружелюбными взглядами милиционеров записочку с твоими данными. Как же это было отвратительно, унизительно ещё и страшновато. Хотя и было смягчение относительно эмиграции, но все же власти могли сотворить с тобой все, что угодно.

В один прекрасный день я получаю 5 писем от “родственников”. Наугад выбираю одно. Это оказался племянник Миши Копелиовича. Узнала я об этом уже в Израиле. Забавно, но этого человека я так никогда и не видела, хотя знаю о нем от Миши и еще от моего приятеля “отказника”, который еще в Союзе был его товарищем по совместному подпольному изучению иврита.

С этим “приглашением” можно было идти в ОВИР для получения визы, предварительно выполнив массу требований. Отказаться от советского гражданства, сдать трудовую книжку в отдел кадров Университета, отказаться от квартиры (все действия с квартирой были запрещены, даже обменять на меньшую и получить хоть какую-то компенсацию запрещалось).

Отправить багаж практически оказалось невозможным. Многомесячная очередь на таможню.

“Галя, ну нам же самим не хватает”

Мои знакомые смогли отправить свои вещи дав взятку таможенному начальству - золотые часы “луковица” Буре. Мы могли взять с собой по 40 килограмм на человека, поэтому ни о мебели, ни об утвари, ни о книгах вопрос не стоял. Только носильные вещи. Помню, как кладу машины колготки в коробку, потом выкладывают - перевес. Бывалые люди подсказывают - лучше всего достать коробки из под яиц - они самые легкие. Игорь “договаривается” с вечно пьяным грузчиком магазина и он “позволяет” взять несколько. Можно посыпать посылками. На международной почте висит список вещей запрещенных к посылке.

Прошу свою подругу по МИХМУ, где вместе мы учились, посмотреть список. Она жила близко от почты. Спрашиваю: ну что? Она начинает перечислять: *“нельзя вещи из хлопка, нельзя это, нельзя то.”* Потом ей надоело и она заключает: *“Да почти все нельзя.”* Я возмущаюсь. И тут моя подруга выдаёт: *“Галя, ну нам же самим не хватает!”*

И меня оторопь берет. Что значит самим не хватает? Тебе не хватает моего халата, который я сама сшила!? Говорю: *“Жанна, ты так хорошо меня знаешь, знаешь мою семью. Я и моя мама, мы ничего не украла, это наши вещи, мы их купили на наши заработанные деньги”*. Она немного рассердилась на меня и мы не стали продолжать разговор. Эта подруга ко мне хорошо относится, мы и сегодня поддерживаем отношения.

Оказалось, что и свои документы: дипломы, свидетельства о рождении детей и своё и т. п. взять не можем. Игра продолжается - относишь их в Голландское посольство и уже в Тель-Авиве их можешь получить.

Наше почтовое отправление из Москвы в Реховот. Кстати, одеяло, на котором стоит мешок мы купили уже в Израиле по олимовской скидке. Пользуемся им до сих пор. “Эйхут меод това!”

Трудовую книжку...

А помните, трудовую книжку обязан сдать в отдел кадров последнего места работы. Таким образом подтвердить свой стаж, место работы и должность тебе нечем. И когда Россия в 2017 году нам, уехавшим из Советского Союза и лишенных гражданства будто мы какие-то преступники, вдруг согласилась платить заработанную пенсию оказалось, что самого важного для этого документа (трудовой книжки) и нету. То есть сначала отобрали, а теперь ее и требуют.

Моя бывшая сотрудница и приятельница попыталась выудить мою трудовую книжку из отдела кадров. Но кадровичка заявила, что у неё записано, что я забрала свою трудовую книжку и при это высыпала на мою приятельницу, все что она думает об “этих”. Я извинилась перед приятельницей, за то, что ей пришлось выслушать.

Короче я получила за 30 лет стажа пенсию 2500 рублей, это примерно около 30 долларов в месяц. Ой как же тебе не стыдно, матушка Россия. А заработанную пенсию у моей мамы вообще при переезде отобрали, у 83-летней старухи отобрали!

“Воссоединение семей” - Игра продолжается

Помню мучительное омерзение, когда заполняла в ОВИРе бланки с просьбой о визе. Омерзение от невозможности не играть в их игру “воссоединение семей”. В пункте “остающиеся в России родственники” пишу - брат. В пункте “с кем воссоединяюсь” пишу - двоюродный брат. И страх тоже, потому что воспринимаем государство как карательный, а не регулирующий аппарат.

Я только сейчас поняла всю абсурдность документа выездная виза. Есть случаи, когда человек не имеет права покинуть страну (долги, правонарушение, владение государственными секретами и т. п.), ну тогда просто закрывают ему, персонально ему, выезд. Все остальные не должны просить разрешения выйти из своего дома. А разрешение, визу даёт или не даёт тот в чей дом вы стучитесь.

Всё, заканчиваю с прологом “почему” . Надеюсь мне удалось объяснить “почему”

С большим удовольствие переходжу от мерзопакостей советской действительности к трудной, ой какой трудной, но очень интересной жизни в Израиле.

Нам повезло

Нам повезло, визы мы получили примерно через полгода.

На нашу долю не выпали ни отказ, ни, тьфу-тьфу, тюрьма, ни психбольница.

Отказников не брали на работу по специальности и многие работали дворниками. Если же вдруг чудом или по недосмотру органов им удавалось найти работу по специальности или близко к ней, то через некоторое время их настигало КГБ и требовало уволить отказника.

На одном из заводов работало несколько отказников, были они специалистами высшего класса. Они отлично наладили заводскую систему дигитального управления. Директор был счастлив, называл их “мои дорогие евреи”. Да и они сами радовались, видя плоды своих трудов. Но через некоторое время КГБ велел всех уволить. Директор был вынужден подчиниться приказу.

Раз в полгода отказники подавали новую просьбу на выезд и получали ответ “Ваш отъезд мы считаем нецелесообразным”. И так много лет. Я знаю таких, кто 9 лет был в отказе и таких, кто 16.

Наши выездные визы. Из Советском Союзе выехать можно было только с официального разрешения властей.

Хранитель истории

Вещи упаковали. Магазинники согласились взять в свой багаж (помните “луковицу” Буре) немного нашей посуды. В Израиль через 2 года пришли почти одни осколки.

Эта посуда была нам дорога не как утварь, а как память о нашем житье - бытие. Это был очень изящный сервис с большим заварным чайником - свидетель наших праздников, наших застолий, нашей жизни.

У этого сервиса была своя история. Купил его мой папа в голодные послевоенные годы. Его сотрудник, помню его фамилию - Орлов, говорит папе: “Я пойду с тобой, хочу посмотреть, какой скандал тебе устроит Мария Исаковна, когда ты

принесёшь эту роскошь в пустой, голодный дом.” Моя мама увидела сервиз, всплеснула руками и воскликнула: “Какая прелесть!” Орлов был разочарован, папа торжествовал.

Ну как было не взять с собой эту семейную реликвию!? И вот осколки, наш любимый чайник тоже пострадал. Я его подклеила, пользоваться им нельзя, а выбросить не могу - хранитель истории.

Глава 2 - Прилетели мы в Израиль

Прилетели мы в Израиль поздним вечером 17 июня 1990 года. Летели венгерской авиакомпанией Малев с пересадкой в Будапеште. В аэропорту нас, летевших в Тель-Авив, отделили от остальных пассажиров, выставили вооруженную охрану - боялись террористов.

Израиль встречал нас улыбками, детишек одарили сладостями. Пока оформлялись первые документы, нам предложили сделать бесплатный звонок своим близким в Россию. Мы с мамой позвонили Игорю. Затем наши вещи погрузили в такси, спросили нас куда вести и мы поехали в Реховот, где, всегда готовые прийти на помощь, Магазанники сняли нам квартиру.

Свидетельство репатрианта, (תעודת עליה)

Водитель, как сейчас я понимаю, не был знаком с городом и ,по всей видимости, запомнить адрес тоже не мог. Он останавливался у каждого фонаря (было уже темно) , подносил записку с адресом к свету, сверял её с номером ближайшего дома и названием улицы и ехал до следующего фонаря.

Нас встречала Наташа Магазанник , она помогла нам с вещами. Было уже 2 часа ночи Наташа пожелала нам спокойной ночи и пошла к себе, жила она неподалёку

в 15-20 минутах ходьбы. Кстати, заметьте - 2 часа ночи, а женщина одна, абсолютно безбоязненно идёт по улице.

Я до сих пор не могу к этому привыкнуть и мне доставляет особенное удовольствие слегка прогуляться одной ночью. Мне как то в голову недавно пришло, что я забыла бояться входить в свой подъезд в позднее время и не оглядываться на шаги у меня за спиной. В Москве после 10 вечера меня всегда кто-нибудь встречал у остановки автобуса.

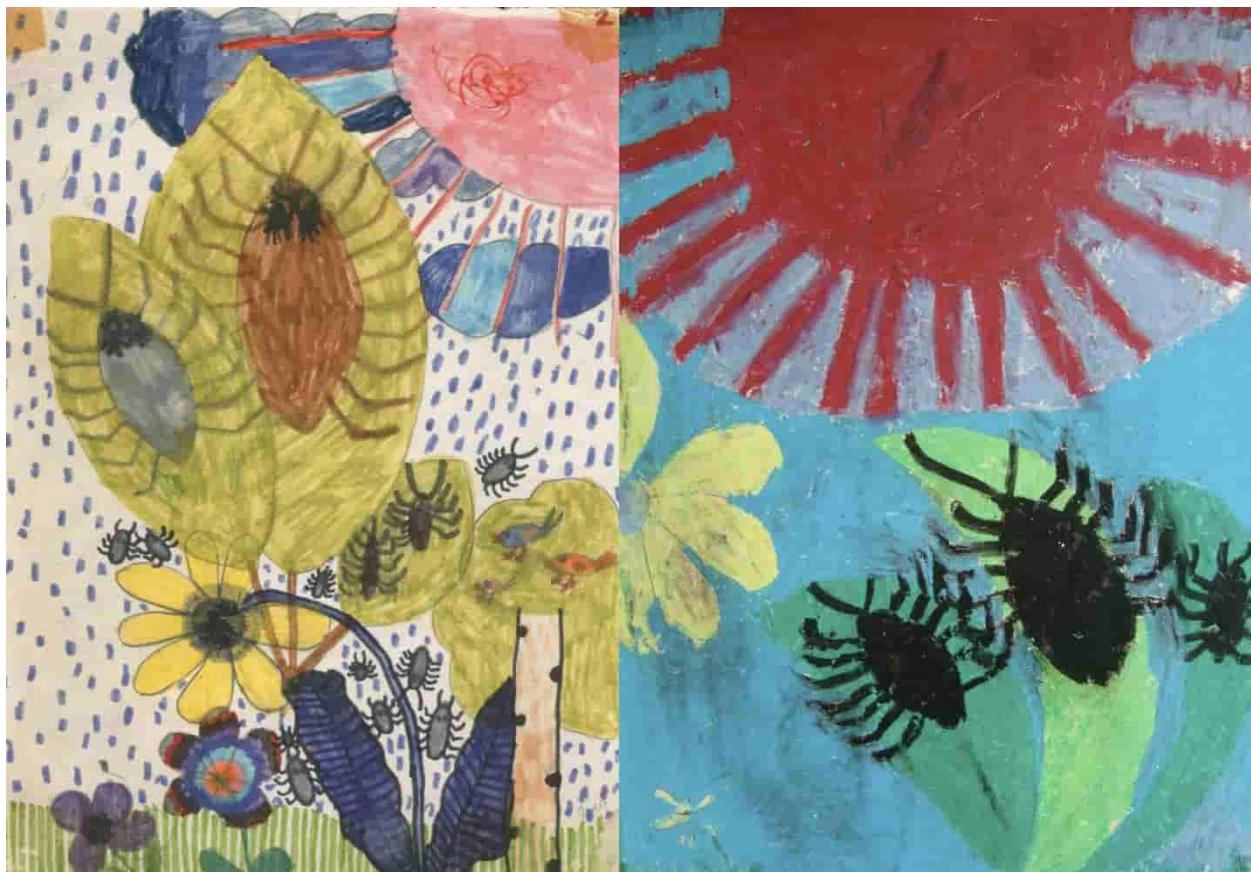
Вот она - та самая страна, что непостижимым образом приходила ко мне во сне.

Мама с Машей легли спать, а я, перед тем как лечь, решила обойти дом и проверить, всё ли в порядке. И вот тут произошло нечто такое, о чём не могу не рассказать.

Ещё в Москве мне одно время снились сны: будто вхожу я в лабораторию, вижу у плинтуса таракана,сыплю на него порошок - и вдруг у таракана со щелчком раскрываются крылья, и он летит. Эти сны повторялись, настойчиво. Я даже начала спрашивать у знакомых - бывают ли летающие тараканы? Никто ничего не знал. Все только смеялись.

И вот, в Израиле, в первую же ночь я вижу на верхнем кухонном шкафчике таракана. Влезаю на табуретку, собираюсь аккуратно снять его салфеткой - и вдруг, как в моих снах: щёлк - крылья раскрылись, и таракан полетел. Я чуть не свалилась с табуретки.

Вот и разгадка моих снов! Так это же эта страна, мистическим образом стучалась ко мне во сне и настойчиво звала к себе.

Серия машинных рисунков под впечатлением от израильских тараканов. Реховот
1991 год

“Тагиди бевакаша эйфо купат холим”

На следующий день пришла Наташа Магазанник, рассказала, что надо нам сделать в первую очередь. Почти везде она меня сопровождала и казалось мне, что она уже давно в стране и все ей тут понятно и все она тут знает. А приехала

она всего за три месяца до меня, знала на иврите, по-моему, лишь одно слово “беседер”. Но знала его твёрдо и этим одним словом открывала все двери. Н.А. Магазанник сводил меня в банк, помог открыть счёт.

А в купат холим я пошла сама. Русскоязычные соседи объяснили мне дорогу. Я всю дорогу повторяла фразу, которой они меня научили, если придётся спросить дорогу: *“Тагиди бевакаша эйфо купат холим”*. В купат холим сразу поняли, что я ола хадаша и сделали все, что нужно.

В этих первых шагах в Израиле я удивлялась, как много совсем незнакомых, разных людей были готовы прийти на помощь. Было даже модно иметь опекаемую семью олим. Я как то спросила, чем я могу отплатить за помощь. И мне ответили: *“Ты поможешь следующим олим хадашим”*. Помню и стараюсь, по мере сил.

Вспоминаю, как я поехала в Тель-Авив за документами. Советское государство не позволяло нам взять с собой наши документы, но мы могли их принести в Голландское посольство и дипломатической почтой их отправляли в Израиль.

Наши первые фото в нашем первом городе. Реховот 1991 год

первый раз в Тель-Авиве

И вот, я первый раз в Тель-Авиве. По карте ищу здание МВД. Хочу сама найти.

Мне интересно самой найти. Но как только разворачиваю карту, сразу же кто-то оказывается рядом: “*Вам помочь?*”

В этом самом МВД пережила я трагикомическое приключение. Вхожу в лифт, нажимаю на кнопку, лифт доезжает до нужного этажа, останавливается, а двери, о ужас, двери не открываются. Боже, сегодня пятница! Значит сидеть мне здесь и

сегодня и завтра. Автобусы пойдут только в воскресенье. А мама и Маша одни в Реховоте, что с ними будет?! Полное отчаяние. И тут, хотя понимаю, что глупость, но все же толкаю дверь. И ... она открывается. Нелепое мое поведение в Тель-Авивском лифте объясняется тем, что я привыкла к университетским лифтам, двери которых открывались автоматически.

"В окружении близких, хоть и незнакомых"

Дочь маминой подруги Женя Финикова написала о нас нескольким своим знакомым живущим в Израиле. Лина была та, что мгновенно пришла к нам. Она не только стала помогать нам во всем, чем только могла, но и стала нам очень близким, дорогим человеком. Она же привела к нам Маю - и это было сплошное счастье.

Благодаря им, мы оказались в среде "русских" олим 70-х годов, очень близких нам по духу. Мне даже порой казалось, что я никуда не уезжала, так привычна была для нас с мамой эта среда. В некоторых я даже видела сходство с людьми из той моей жизни.

Пришёл Яник, сын Маи, и сказал: - Давайте я вас сфотографирую. Маша чинно села на скамеечку посередине. И тут прибежала одна девочка и крикнула - Я тоже хочу! - и села рядом с Машей. А за ней - другая, потом ещё одна, и ещё... Все по очереди плюхались на скамеечку. Маша вежливо уступала им место, сдвигалась, пока в конце концов не оказалась на самом её краешке.

Маша и ребята из соседнего района - наши первые фотографии в нашем первом городе. Реховот, 1991

Первое мое интервью

Первое мое интервью на предмет работы устроил мне Илюша, сын Лины. Это было очень серьезное учреждение авиационной промышленности.

Дело было в декабре, а погода - летняя. Помню, была я в крепдешиновой блузке. Входим в лабораторию, русская речь, а на столе - маринованные маслята и бутылка. Ну прям, как у нас в 702 аудитории в день геолога. Ноябрь, декабрь в

Израиле сезон грибов. Сабры не очень знакомы с грибной охотой, а для “русских” - раздолье.

В обеденный перерыв сводили меня в рабочую столовую. Сервировка, изобилие блюд - как на праздник. А на интервью я срезалась, путалась даже в своём родном уравнении.

Выйти замуж

В другой раз было у меня интервью в одной солидной компьютерной фирме, куда я поехала сама, а иврит мой - на самом начальном уровне. Вышел ко мне молодой человек лет 35 с умным еврейским лицом. Предложил мне тест. Я на иврите ему отвечаю, что хочу попробовать. Вижу, он меняется в лице, отводит глаза, ужасно смущён, не знает, что предпринять. Я собираюсь и говорю на английском: “*I want to try*”. Смотрю, он в себя пришёл, явно полегчало ему.

Приезжаю домой, рассказываю Беате. Она меня переспрашивает: “*Повтори, как ты ему сказала*”. Беата смеётся: “*Знаешь, что ты ему сказала? Ты сказала, что ты хочешь выйти замуж.*” Оказывается вместо “попробовать” у меня получилось “замуж”.

Цветовые пятна

Соседи как-то спросили меня, почему я хожу за растительным маслом в дальний супер, а не в ближайший. В ближнем тоже самое масло и даже в ту же цену. И тут я понимаю, что я не только это масло не видела, а ещё и многие другие товары не

видела. Вместо отдельных предметов на полках я вижу только цветовые пятна, не воспринимая, не различая предметов.

По всей видимости, мой, никому не высказанный, в том числе и самой себе , стресс вот таким образом проявлял себя.

Постепенно цветовое панно превратилось в нормальные магазинные полки.

А вот история моей первой работы.

Я не работала уже больше года. Наверное, в свои пятьдесят, да ещё и с маленьким ребёнком, я могла бы получать пособие и, как многие, «по-чёрному» подрабатывать. Но ни я сама не хотела так жить, ни тем более растить ребёнка в атмосфере ожидания подачек и хитрежопости. Куда бы я ни посыпала своё резюме, в ответ получала либо отказ, либо вообще ничего.

Илюша с компанией обнаружили, что в Иерусалиме есть организация, которая, как им казалось, очень близка по тематике к кафедре гидрогеологии, где я работала в московском университете.

Не помню уж каким образом, но я получила интервью. Говорить со мной должен был человек, по должности примерно соответствующий заместителю директора по науке. Чтобы я не плутала по незнакомым закоулкам, мы договорились, что я буду ждать его на центральной автобусной станции, а он меня оттуда заберёт.

Моим опознавательным знаком была большая синяя сумка через плечо. И вот хожу я по перрону и каждому вновь появившемуся буквально тычу этой сумкой. Время от времени звоню в институт и на своём младенческом иврите говорю, что Бухман назначил мне встречу.

На самом деле, как оказалось, я говорила, что я назначила встречу Бухману. Человек на том конце что-то отвечает на иврите, я ничего не понимаю и продолжаю выхаживать со своей сумкой, тыча ею в глаза прохожим, с решимостью ходить так хоть до завтра.

Дело происходит в августе 1991 года. За все сорок минут ожидания я не услышала ни одного русского слова. Я дождалась.

Мы очень хорошо поговорили: знания и опыт, которые у меня были, ему очень подходили, и он направил меня к другому сотруднику - я бы назвала его заместителем директора по административной части. Если с первым мы говорили на смеси иврита, английского и русского (русский у него был такой, какой может быть у польского еврея, сорок лет живущего в Израиле), то со вторым - сплошное счастье: чистый русский язык. В России он звался Семёном, а здесь - Шимон.

Но, как оказалось позже, радовалась я рано.

Поначалу всё выглядело очень хорошо. Я летала от счастья: работа - ровно то, чем я занималась в университете, да и зарплата неплохая. Кроме того, Министерство абсорбции приплачивало моему работодателю в течение трёх лет половину моей зарплаты - так называемую стипендию Шапиро, так что я была выгодным приобретением.

Однако Семён при всей внешней доброжелательности всё же не хочет брать меня на работу. Не помню, что именно он говорил, но прекрасно помню, что сказала я. Помню до сих пор - даже своё внутреннее состояние в тот момент. Уж больно несвойственно мне говорить о себе таким образом. Да и случая прежде не было. Я сказала:

“Все решают эти задачи, а я решаю их лучше всех”.

Прямо как головой в омут. И он сдался. Он занялся моим оформлением, был, как мне казалось, доброжелателен и уважителен. И вдруг звонит и довольно грубо говорит, что в министерстве нет моих бумаг на стипендию Шапиро и что я его обманула. Я была уязвлена не столько тем, что он не нашёл документов, сколько

его тоном и тем, что он посмел назвать меня обманщицей. Почему-то я была уверена, что бумаги найдутся. Так и случилось. Юля Ратнер - активная, героическая отказница с многолетним стажем - позвонила в секретариат и попросила девочек мне помочь. Бумаги, конечно, нашлись.

Последнее препятствие вроде бы было преодолено, и Семёну/Шимону ничего не оставалось, как заключить со мной контракт. И тут меня ждало ещё одно испытание.

Вдруг он говорит:

- *“Галина, я вам кое-что скажу, но вы никому не говорите”.*

Ну, конечно, я соглашаюсь, хотя немного удивлена. Он продолжает:

- *“Вы мне нравитесь как женщина.”*

Говорят, в критических ситуациях человек способен на большее, чем в обычной жизни. Я - в ужасе. Принять не могу, а оттолкнуть - смерти подобно. Я, в отличие от моей мамы, человек не находчивый. Но тут, не знаю кто мне помог, я выкрутилась наилучшим образом. С небрежным видом произнесла:

- *“Да я никому ещё счастья не приносила.”*

От этих слов аппетит у него, видно, пропал, и разговор был забыт.

Маленькое поселение – большое испытание

Мне все говорили, что ездить из Реховота на работу в Иерусалим будет слишком тяжело, и Ольга, одна из сотрудниц, предложила мне помочь. Она жила в Ткоа, в шестнадцати километрах к югу от Иерусалима, и предложила нам две комнаты. Нас не смущало совместное проживание, да и цена была для нас приемлемой. И вот тут - первый, кажется, и единственный раз - моя мама осторожно сказала:

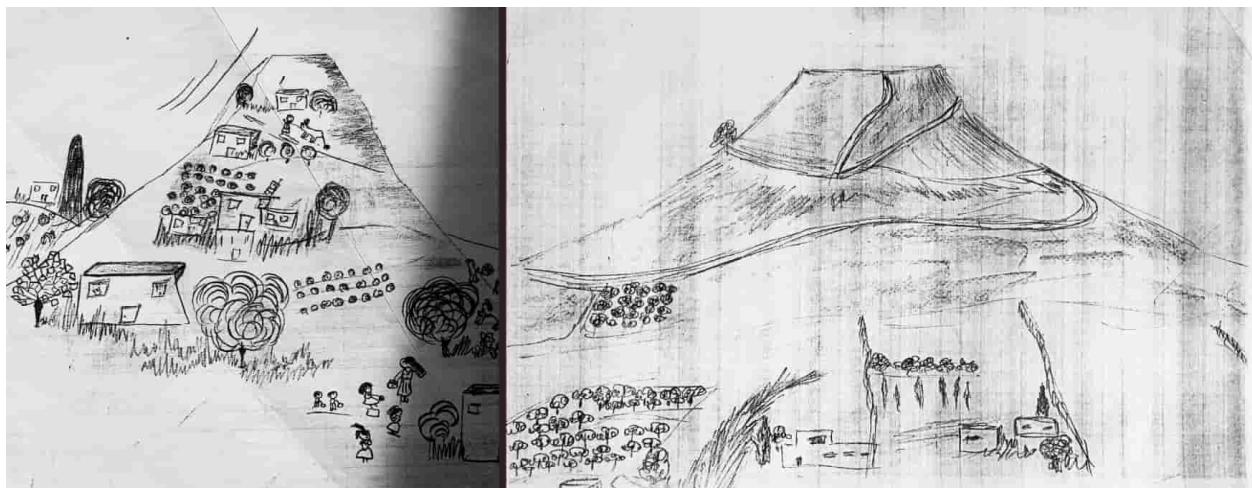
- Может, нам не стоило сюда приезжать?

Было не очень понятно, что она имеет в виду - Ткоа или, может быть, Израиль вообще. И правда, было о чём задуматься. Я ведь даже предварительно не съездила туда посмотреть.

Ткоа - еврейское поселение, тогда ещё очень маленькое, на небольшой горке среди арабских деревень. Из этих деревень ранним утром доносится голос муэдзина, многократно усиленный мощными громкоговорителями. Дом был ещё не достроен. Ни в одной комнате - ни в туалете, ни в ванной, ни на кухне - не было дверей. Ступеньки к дому тоже были ненадёжные. На участке перед домом - строительный мусор.

Зима в тот год выдалась холодной, несколько раз даже выпадал снег. Маша - в школе, я - на работе, там тепло. А мама целый день дома, где температура - тринадцать градусов. Но ни разу мама не пожаловалась. Как онаправлялась - даже не знаю. Одевалась потеплее и за дела. Даже Ольге пытались помочь, чем могла.

Со временем я поняла, что еврейское поселение на так называемых территориях - не самое подходящее место для старых и малых.

Иродион в рисунках Маши, 1992. Из Ткоа хорошо видна гора Иродион - рукотворная гора-крепость, построенная царем Иродом Великим. Мы с Машей любили по вечерам ходить рисовать ее.

В купленную квартиру

В августе 1992 года мы переехали из Ткоа в Бейт-Шемеш - в купленную квартиру. Я не могла мириться с тем, что из-за нашей неустроенности Маша каждый год меняет школу, а мама - врача. Я не задумывалась, справлюсь ли с ссудой или нет. Если бы начала всё просчитывать - ни за что бы не купила. Просто... так жить нельзя!

Мы в нашей новой квартире.

это то, что меня заставило решиться на эту, можно сказать, аферу - ну прямо как головой в омут. Но, что омут окажется ещё темнее, я не предвидела. В октябре у меня кончился договор, мне его не продлили. Итак, я - безработная с огромной ссудой на квартиру. С выпученными от страха глазами бегаю по всевозможным местам, где была хоть малейшая надежда на работу.

Арье Арнон

В городском отделе Министерства абсорбции (мисрад клита) я встретила замечательного человека - Арье Арнона. Моя благодарная память требует рассказать о нём.

Этот человек был по-настоящему повернут к людям: его сердце, его душа были настроены на помощь. Как я понимаю, у него не было больших возможностей, но он был очень внимателен, и как только появлялась хоть малейшая возможность - он её не упускал. И часто она действительно срабатывала. Я знаю, что он многим помог.

Моя вторая работа получилась его стараниями. Но особая моя благодарность даже не за это. Я не могу забыть, как, я отчаявшись найти работу по специальности, попросила его свозить меня в бейт авот (сама я не могла туда добраться) - там требовались метаплот. Он мне отказал. Каюсь, подумала - наверное для кого-то "своего" придерживает. Но он добавил: - Сиди. У тебя ЕСТЬ специальность. БУДЕТ у тебя работа. С ударение на есть и будет. И правда - он как-то позвонил мне и сказал, что сын его знакомых открывает в Бейт-Шемеше компьютерную фирму. И добавил: Сходи к нему. Может, ты ему подойдёшь. Я сходила - и получилось.

Однажды он увидел меня на улице и спросил, что я ищу. Я ответила, что ищу стекольщика - Маша разбила окно в спальне. К вечеру он пришёл и вставил стекло. Мы с Машей любили ходить в бассейн. Арье бывал там со своей внучкой. Играли с ней, забавлялся. Завидев Машу подхватывал и ее, подбрасывал и она счастливая плюхалась в воду.

Вот таким был этот человек - добрым, чутким, щедрым.

А кто такие жиды?

Мне всё время хотелось объяснить Маше, почему мы уехали из нашего благополучного дома, из красивой, большой Москвы, от маминой красивой работы и всего остального - и оказались в стране с непонятным языком, без денег, без родных и друзей. Хотелось объяснить так, чтобы она поняла и не страдала из-за того, что оставила. Но как объяснить, ведь ей всего семь лет?

И вот однажды, гуляя с ней вечером в Бейт-Шемеше, я решила начать этот разговор. Хоть уже и постарше она на два года, а как мое, так долго зревшее во мне решение донести до 9-летнего ребёнка. И я говорю ей:
“Знаешь, Машенька, в России очень плохо относились к евреям. Даже шутка была такая: если в кране нет воды, ее выпили жиды.”

И тут моя Маша спрашивает: “*а кто такие жиды?*” Господи, мой еврейский ребёнок дожил до девяти лет и не слышал никогда слово жиды. Только ради одного этого стоило уехать.

Я чуть ли не с младенчества знала, что со мной, папой, мамой и братом Сашей что-то не так. Девочки во дворе не хотели со мной играть. Это было очень обидно и не понятно. Что же такое во мне нехорошее, постыдное!?

И вот однажды выхожу я во двор и говорю: “*А я и не еврейка, я англичанка*”. Накануне дома я слышала, как мой старший брат готовит домашнее задание по английскому - учит слова. Я до сих пор помню эти слова: “*table*”, “*star*”, “*chair*”. Девочки говорят: “*А скажи что-нибудь по английскому*”. Я им и выдала эти слова. Смешно, но этих слов было им достаточно и они поверили. В этот день они играли со мной. Но на следующий день одна из них сказала: “*мама сказала, что ты врешь, ты еврейка, а не англичанка*”. И вот опять меня не принимают в игру.

Забавно, моя дочь живет в Британии, язык ее семьи - английский. И в самом деле пути Господни неисповедимы.

Лето 1946 года. Я в подмосковном детском саду. Родительский день. Мама, папа и брат Саша приехали меня навестить.

Nimrod.

Нимрод был тот, к кому мне посоветовал "сходить" Арье. Да, мне ужасно повезло - я не только получила работу, но и замечательного босса и учителя.

Но не все так гладко и сразу получилось. Я рассказала, чем я занималась в московском университете, что я знаю и умею. Мой CV явно произвёл на Нимрода

впечатление. Уважительно глядя на меня, он пододвинул клавиатуру и дисплей ко мне, дал мышку и сказал: ну, покажи, что ты умеешь. А я в университете работала на большой машине БЭСМ-6, и мышку держала в руках первый раз. Конечно мышка начала метаться по экрану, а потом и вовсе исчезла. Нимрод засмеялся и говорит: да, далеко она побежала, наверное, к твоему дому. Потом посерёзнел, вздохнул и говорит: да, это берет время (*לעת פריחת הַת*).

И все же он решил попробовать Он объяснил, что фирмы ещё нет, но есть перспектива большого хорошего заказа от крупной фирмы. А пока я могу приходить, он будет знакомить меня с Toolbook , программным инструментом, на котором будет выполняться проект. Он вручил мне толстую книгу на английском и дал первое задание. Английский мой был сильно не ахти, иврит - младенческий плюс совершенно новый метод программирования. Но, как говорится вариантов не было, надо прорыться через эти джунгли.

Но однажды Нимрод говорит: “*Галина, у меня нет для тебя работы*”. Сердце моё скжалось. Превозмогая страх, стыд произношу небрежно: “*Ты не возражаешь, если я буду продолжать приходить?*”. Нимрод не смог мне отказать. Продолжаю ходить, разбираться. На душе тьма кромешная. Правда временами забываю своё положение, уж очень увлекательно было осваивать новый инструмент.

И вот однажды вечером, дождавшись возвращения Нимрода, зову его к компьютеру и прошу ввести в указанное мной место на экране любое число. Он вводит - и голова человечка на экране подпрыгивает столько раз, сколько он ввёл. Он пробует ещё и ещё, а мой человечек послушно прыгает столько, сколько нужно, и не ошибается. В этой простенькой программке я использовала все основные элементы Toolbook'a тем самым показав, что я разобралась в Toolbook'e. И за 2 месяца до окончания пособия по безработице Нимрод говорит: “*Галина не ходи больше отмечаться в лишкам авода (биржа труда), я открываю фирму и беру тебя на работу*”.

Это были счастливые три года. Интереснейшая работа, зарплата хоть и небольшая, но позволяла оставаться на плаву и замечательный климат в коллективе. Нимрод был влюблён в программирование. Ценился профессионализм, добросовестность, полностью отсутствовало соперничество. И была радость от красиво сделанной работы.

Нимрод, его жена Ронит и его родители не оставили без внимания даже маму и Машу. Приглашали к себе на большие и маленькие вечеринки. Мама с радостью окуналась в идиш, давно забытый язык ее детства.

Первая обувь.

Так уж случилось, что в Израиль мы приехали “голые и босые”. Помните, тогда багаж отправить было невозможно, да и в магазинах - пустые полки. Особенно плохо было с обувью. Всю осень и зиму я под проливным израильским дождём пробегала в резиновых сапогах, в которые часто попадала вода от мчащихся по лужам машин. Ноги были вечно мокрые и холодные.

И вот, начав получать зарплату, а не пособие по безработице, я решилась купить себе обувь - и больше не ходить с мокрыми, холодными ногами. Я пошла в иерусалимский Машбир. Продавец - немолодая “ола хадаша” - приносила мне пару за парой, а мне всё не подходило. И вдруг она принесла сапожки - ну прямо по моей ноге! Мы обе облегчённо вздохнули. Я радовалась: сапожки лёгкие, тёплые, не промокают. Помню даже фирму - германская фирма Rohde.

А продавец со вздохом сказала: - Вы не представляете, сколько людей голову морочат - и ничего не покупают...

Matrix

Я проработала у Нимрода три года. К концу третьего года почувствовала, что работы становится всё меньше и меньше. Кто-то ушёл сам, кого-то Нимрод уволил. Но уволить меня, видимо, у него рука не поднималась. Я поняла, что рано или поздно и до меня дойдёт очередь. Не стала дожидаться и начала искать новую работу. Первое же интервью оказалось удачным и на этот раз мне не пришлось хвалиться, что я лучше других. Я честно сказала, что на языке их системы не работала. Начальница ответила: *"Ничего, с твоим опытом ты быстро освоишься."* Позже я узнала, что в отделе срочно нужно было закрыть дыру - ушли двое сотрудников.

Жижи (так звали моего босса) направила меня к опытному сотруднику Ицхаку и велела ему присмотреться ко мне. При этом прямо при мне сказала: *"Если справится - хорошо. Если нет - לְבָבֶה (пусть идёт домой)."* Ицхак отозвался обо мне положительно и меня оставили. Там я проработала 18 лет. Мое главное впечатление от коллектива MATRIX'a - высокий профессионализм, уверенное владение предметом и способность быстро и естественно осваивать новые технологии.

“Гая вышла в тираж, а Маша – замуж”

В мае 2014 года меня уволили. В это же время Маша выходила замуж. Я тогда шутила: *“Гая вышла в тираж, а Маша – замуж”*.

А ведь в 2008 году меня тоже чуть было не уволили. Это было бы настоящей трагедией - Маша в армии, машканта ещё не выплачена, жить было бы не на что.

В Мисрад Хинух - а именно он был нашим основным клиентом, и вся кадровая политика зависела от него - были крайне удивлены, узнав о моём бедственном положении. Они считали меня вполне благополучной. Видимо, я переусердствовала в стремлении казаться благополучной и беззаботной. Спасибо им - увольнение тогда отменили.

Но на этот раз я действительно обрадовалась. Мне уже было 73, и каждый день давался всё тяжелее. Ранним утром, еле плетясь к автобусной остановке, я говорила себе: *"Идёшь? Не упала? Ну иди"*.

Теперь всё иначе: машканта выплачена, Маша после армии, закончила Шенкар, да ещё и с отличием прошла годовой курс в лучшем колледже - Сент-Мартин в Лондоне. Она любит и любима, полна надежд. Так что увольнение я восприняла как освобождение.

Обычно в последний месяц перед увольнением люди либо берут больничный, либо работают "в пол силы". А я наоборот - радость от предстоящей свободы придавала мне силы. Я работала с удовольствием, щедро отдавая своё время и энергию.

Наша мазкира всё время намекала, что нужно устроить месибат прида (прощальную вечеринку). Конечно, я была не против, хотя её настойчивость немного удивляла.

И вот настал мой последний день. Все собрались в комнате для ешивот. Как положено, большой начальник произнёс официальную речь. Потом моя непосредственная руководительница сказала что-то более личное. А затем - погас свет, и на стене появился заголовок:

"Фильм о том, как Галинаросла, а компьютеры, наоборот - уменьшались."

Да, это был настоящий фильм! Девочки даже связались с Машей, которая в то время была в Лондоне, и она прислала им все мои фотографии, даже детские. (Перед отъездом в Лондон Маша отсканировала все наши фото на флешку.) Получилась целая история - не только обо мне, но и о развитии компьютерной техники. Многие в коллективе были молоды, и, возможно, впервые увидели, каких размеров были первые компьютеры.

Много израильских историй, событий и впечатлений ещё не вошли в мой рассказ.

Например - о школе.

В советской школе родительские собрания выглядели так: всех родителей собирали в классе, и учитель по очереди “разбирал” каждого ученика - при всех. Унижение происходило открыто и считалось нормой.

И никто - ни родители, ни учителя - даже учителя искренне любившие детей и свою профессию - как будто не сознавали, вопиющего попрания личного пространства и человеческого достоинства.

В израильской школе подобное немыслимо.

В Израиле ни родители, ни ученики не потерпели бы подобного унижения. На родительском собрании учитель с каждым папой/мамой об их чаде будет разговаривать исключительно индивидуально. Совершенно недопустимо нарушать личное пространство. Это знают и учителя, и родители и израильские дети с самого малого возраста.

Немного об армии. Родители имеют возможность связаться с командиром. Существуют еженедельные отпуска. Отношение общества к солдатам - первым делом они наши дети.

Не могу забыть такой эпизод. В очереди к кассе стоит солдатик, собирается платить. Женщина, стоящая за ним, делает знак кассирше; та с пониманием

кивает и принимает деньги за покупку солдата у женщины. Солдатик смущён. А женщина говорит солдату так проникновенно: “Ты, главное, к маме вернись”. Такая сцена - не редкость.

И ещё - о том, как люди бросаются на помошь, а не бегут прочь. Как часто мы слышим: “прохожий пришёл на помошь”.

Даже жулики здесь другие - ни одному из них не придёт в голову грабить прилюдно: они знают, что вокруг люди неравнодушные и не пугливые. Как-то раз я спросила свою знакомую, не жалеют ли она и её муж , а он этнически русский, что приехали в Израиль. Тогда она мне ничего не ответила. Я не настаивала. И вот спустя некоторое время, вернувшись из туристической поездки в Петербург, она сказала мне:

- Галя, помните, вы спрашивали, жалею ли я? Теперь я готова ответить. Она рассказала: едут они в автобусе. Несколько парней, поняв, что они иностранцы, окружили её мужа, вытащили из его сумки доллары, силой открыли двери автобуса и выпрыгнули. Народ безмолствовал... Как говорится, комментарии излишни.

В Израиле есть всякие люди и плохие в том числе, но ОБЩЕСТВО - здоровое. В России много хороших людей, но ОБЩЕСТВО - больное.

Глава 3 - Моя Маша

История первых дней в Израиле, рассказанная моей дочерью Машей

Маша в нашем доме в Москве в середине 80-х, наряженная на Новый год.

Большую часть жизни мне почему-то очень нравились пальмы. Я не понимала почему - да, они красивые, но для меня в этом всегда было что-то особенное. Ещё с детства я всё время их рисовала - снова и снова. Несколько лет назад я как-то сказала об этом подруге - просто поделилась, что пальмы мне всегда были близки и чем-то притягивали. И она ответила: *“Может, это потому, что это было первое, что ты увидела, когда вы прилетели в Израиль?”* И тогда всё вдруг стало понятно.

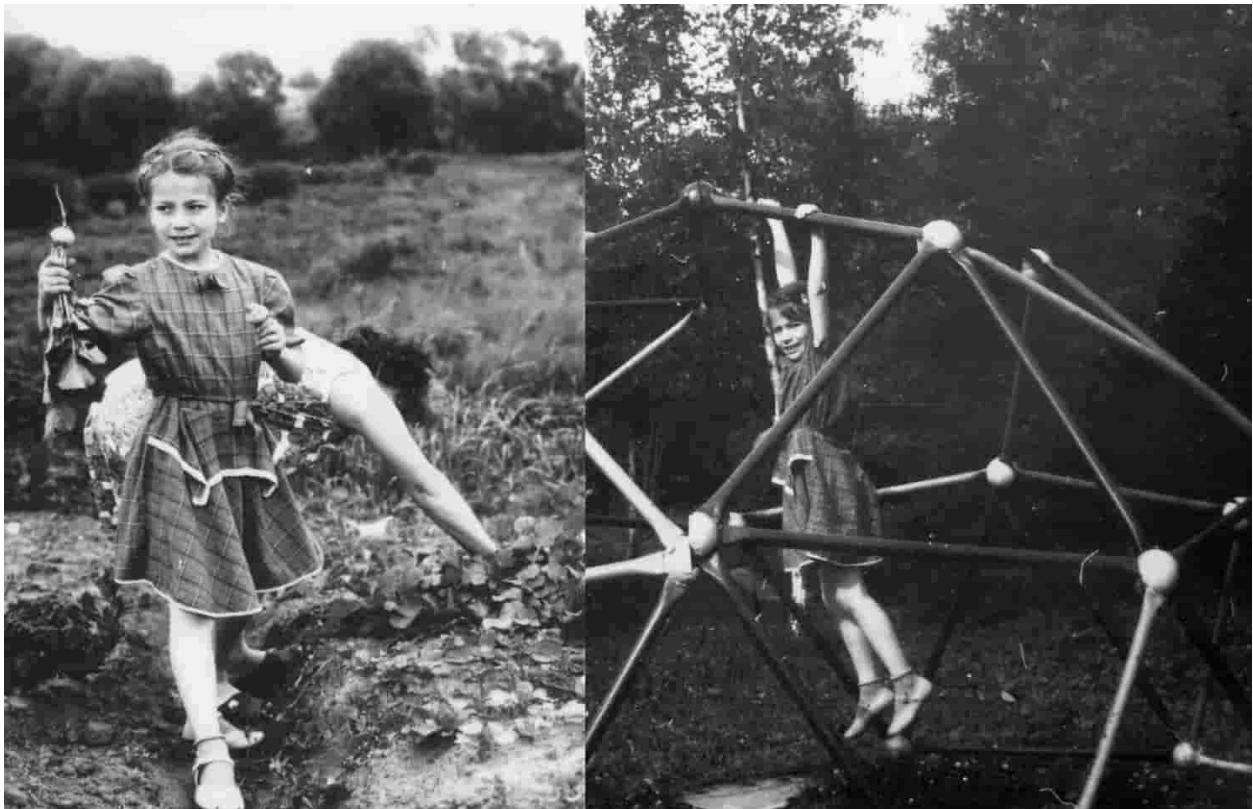
Когда мы прилетели, именно пальмы были первым ярким и необычным, что бросилось в глаза. После Москвы, где таких деревьев не было, они произвели на меня сильное впечатление. Это как у младенца - первое, что он видит, - лицо

матери. А для меня, в новой стране и с новой жизнью, первыми меня встретили пальмы. Наверное, поэтому они до сих пор живут где-то глубоко внутри.

Чипс

Я помню свои первые годы в Израиле. В первую неделю в Реховоте я купила жвачки, из которых можно было надувать пузыри. Такие я видела только в фильмах. Я так их хотела, а в России таких не было. Я купила жвачку - и у-п-а, мечта сбылась: пузырь получился! Это была целая пачка, а не одна штучка. Я использовала только одну, а остальные сохранила. Думала: когда мы поедем в Россию, я подарю их своим подружкам. Это будет для них как чудесный дар из другого, волшебного мира. Я ждала, ждала, когда же мы вернёмся... и через две недели всё скушала. Много разных вкусностей я попробовала в Израиле. В России я только слышала о них. Однажды, ещё в Москве, кто-то принёс чипсы. Вкус был такой неожиданно прекрасный, что я молилась, как наркоман, чтобы мне дали ещё и ещё.

В Израиле в чипсах уже не было ничего необычного. А сейчас, когда мы с моим британским мужем едим чипсы, он смотрит на меня с удивлением, но и с пониманием,- когда я выбираю самый большой чипс, облизываю его мечтательно и мысленно возвращаюсь в детство.

Москва, 1990 год, рядом с нашим домом.

Супермаркет

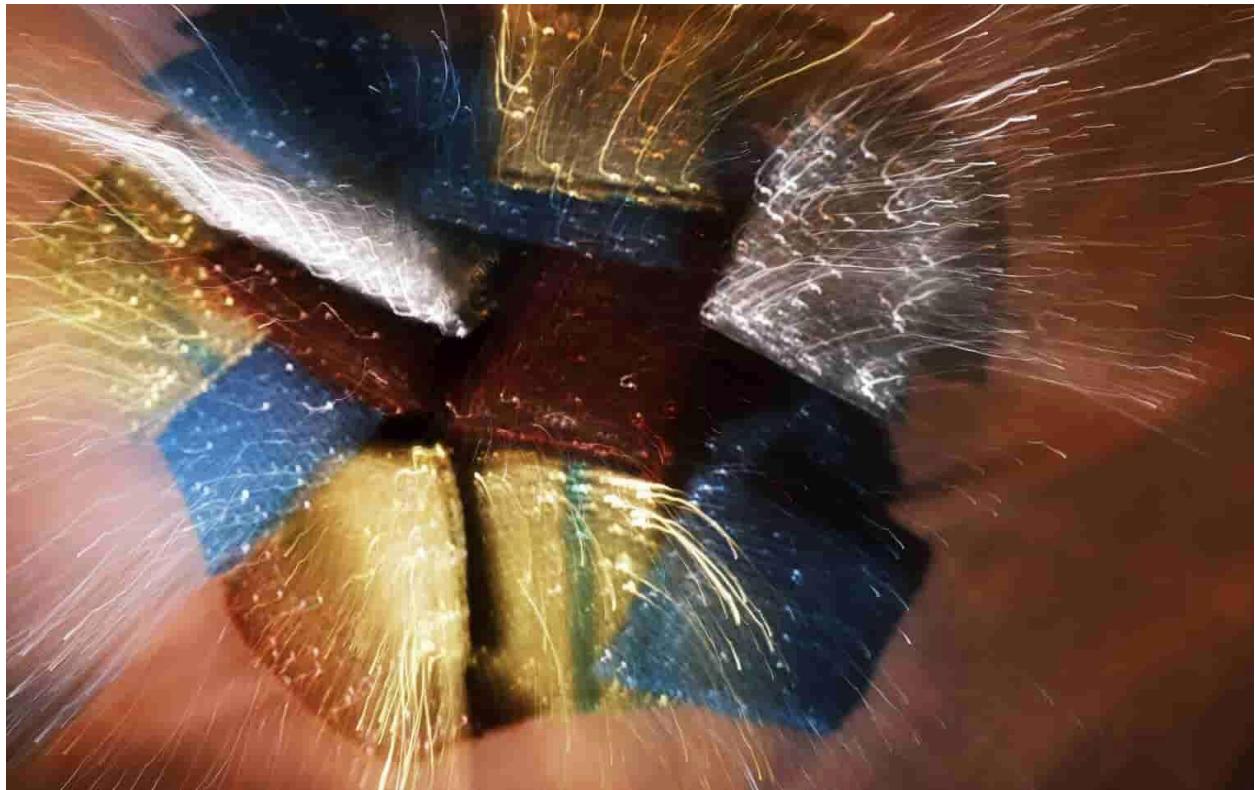
Я помню наши первые дни в Реховоте. Помню, как мы в первый раз пошли в супермаркет - это было как в парке аттракционов! Столько видов чипсов, целые полки жвачек всех вкусов - и такие, из которых можно надувать пузыри! В тот день я шла за мамой по магазину, когда вдруг увидела что-то блестящее. Я подошла ближе и увидела огромную корзину прямо посреди супермаркета. А в ней - сотни маленьких, блестящих, цветных квадратных штучек. Они были красные, синие, зелёные, фиолетовые - и даже золотые и серебряные! Я просто застыла, заворожённая. Я позвала маму и начала её умолять купить эти штуки. Я никогда раньше такого не видела. Мне казалось, что это какие-то новогодние украшения - они были

мягкие, сверкающие, из блестящей тонкой фольги. Я умоляла и умоляла... пока мама не вздохнула и не сказала: "Ладно, можешь выбрать одну." Я стояла и не знала, что делать. Такой сложный выбор для семилетней девочки! Как выбрать только одну, когда они все такие волшебные? В конце концов я выбрала две - золотую и серебряную. И до сих пор... каждый раз, когда я вижу металлическую губку для мытья посуды - я вспоминаю тот момент.

До сих пор я не могу пройти мимо, не взглянув на них...

Вот они, эти губки для мытья посуды, Яркая металлическая губка для мытья посуды - они же волшебные, правда?

Война в Персидском заливе, 1991 год.

Моя мама, бабушка и я приехали в Израиль летом 1990 года, а зимой, сразу после моего дня рождения, началась Война в Персидском заливе. Кроме обычных уроков, у нас в школе была специальная подготовка - нас учили, что делать в случае атаки. Мы тренировались быстро надевать противогазы и идти в защищённую комнату. Учителя всё время повторяли, как это важно, потому что тогда была большая вероятность химической атаки. Я хорошо помню, как мы с одноклассниками всё это отрабатывали.

Дома мы тоже готовились. С мамой и бабушкой мы купили липкую коричневую ленту и заклеили ею окна, чтобы ядовитые химикаты не смогли проникнуть в нашу защищённую комнату. Я совсем не боялась - наоборот, мне даже нравилась вся

эта подготовка. У нас в квартире была маленькая безопасная комната, где лежали свечи, еда и радио. Она казалась мне тайным убежищем, куда мы можем прятаться.

... я услышала сирену "Нахаш Цефа". - звучит страшно! Это сигнал тревоги, который предупреждает всех, когда летят ракеты. Я очень испугалась и начал бегать по гостиной и кричать: "Война! Война! Война!" До этого я слышал о войне только в рассказах бабушки и никогда не думал, что это случится со мной. Тогда мама, бабушка и я побежали в нашу безопасную комнату. Мы надели противогазы и включили радио, чтобы узнать, что происходит. После всех тренировок это наконец стало настоящим!

Автопортрет. Я в противогазе в нашей безопасной комнате... окна и дверь плотно заклеены скотчем, на полу рядом с маленькой свечой лежит радио. Rehovot, январь 1991

Роскошь

Однажды мамин босс, Нимрод, и его жена, Ронит, пригласили меня в кино - это был "Парк Юрского периода". Шёл 1993 год, мне - 10 лет. Мы сидели вместе перед началом фильма, ели вкусности, смеялись, просто наслаждались моментом. И тогда я подумала: *"Наверное, люди вокруг думают, что Нимрод и Ронит - мои родители. Мои израильские родители"*.

Я почувствовала гордость. Гордость за то, что незнакомцы могли подумать, что я их, Нимрода и Ронит дочь, что я принадлежу этой семье. В этот короткий момент я представила, будто у меня двое молодых, счастливых израильских родителей и мы проводим семейное время вместе.

У них была машина. У них были деньги на билеты в кино и на угощения. И самое главное - они были вместе. Как любая другая обычная семья. И в тот момент я чувствовала себя как все израильские дети.

А на самом деле у меня была только мама, которая весь день на работе. Мы были олим хадашим, у нас не было денег на кино и простые сладости. Но с Нимром и Ронит, хотя бы на один день, у меня было что-то особенное. В тот день я постеснялась рассказать маме о своих чувствах. Много позже, уже будучи взрослой, я призналась ей: *"Может быть, это трудно понять... но для меня такое чувство - просто чувствовать себя как все - было тогда настоящей роскошью"*.

Глава 4 - Моя мама

Четвёртая глава принадлежит моей маме.

Мои родители почти всю жизнь, кроме ранних лет и лет войны, прожили в Москве.

За эти годы у них появилось множество друзей и просто хороших знакомых.

Большинство родственников тоже жили в Москве. Жил в Москве с семьей и мой старший брат - их первенец, любимый сын.

И вот 1989 год. Маме 82 года. Я спрашиваю её: "Я хочу уехать в Израиль.

Поедешь со мной?" Мама, не задумываясь ни на секунду, отвечает: Если я буду тебе там полезна - я с тобой. Сейчас я сама в её возрасте и - ох, как понимаю...

Как тяжело, будучи старым и очень больным человеком, оставить привычную обстановку, родной дом, сложившийся круг общения, любимого сына - и отправиться в полную неизвестность, в неустроенность.

Моя мама не оставила мне богатства, но пример жизни я получила редкостный.

Мама была полезна, не то слово. Я целыми днями на работе, а Маша ещё мала, ей всего восемь лет. В таком возрасте ребёнок не должен проводить весь день в одиночестве. Мама встречала её из школы, кормила, выслушивала рассказы о школьных делах. Иногда они вместе играли в настольные игры или в карты. Меня мама тоже встречала с работы - спрашивала, как прошёл день, делилась своими новостями, кормила ужином. Около десяти вечера Маша ложилась спать, и мама садилась рядом, держала её за ручку и рассказывала сказки-рассказки собственного сочинения.

Все финансовые вопросы я передала маме. Так - она всегда в курсе наших дел, а мне спокойнее - свой личный, высококвалифицированный "бухгалтер"! Мама с ее неизменной активной жизненной позицией все, что делала, делала вдумчиво, ответственно. И что вы думаете - мама обнаружила ошибку в банковских операциях! А ведь все документы были на иврите, которого мама не знала. Банк признал ошибку и вернул нам 500 шекелей.

Однажды в Бейт-Шемеше мама участвовала в выборах в городской совет. Завидев пожилую избирательницу, агитаторы, почуяв лёгкую добычу, наперебой бросились к ней, стараясь всунуть бюллетени своих кандидатов. Но эта пожилая, "ола хадаша" оказалась не так беспомощна, несмотря на то, что прочитать имя кандидата, написанное на иврите не могла. Накануне мы обсудили за кого будем голосовать. Имя его теперь не припомню, пусть будет Давид. Мама показывает бюллетень и спрашивает: "Это Давид?" Ей с готовностью отвечают - Да, Давид! Но и на другой и третий бюллетени - тот же ответ. Мама понимает, что дело не

чисто. Тогда меняет тактику и спрашивает: "Это кто?" и быстро определяет нужный бюллетень.

Мама скрупулезно записывала наши расходы/доходы. Возможно это в какой-то степени помогло нам скопить небольшую сумму, которая, когда мы покупали квартиру, очень нам помогла. Только из маминых писем я узнала, как нелегко давалась ей наша олимовская неустроенность. Мне она не пожаловалась ни разу. Ее стойкость, оптимизм, живость ума и доброжелательность притягивала людей.

Соседка отдала нам платье вышедшее из моды. Оно никому не подошло и мама сшила из него 2 фартука. Сшила на руках. Я сейчас измерила длину швов - 3 метра.

И все вручную и швы такие аккуратные, совсем незаметные.

Одна из наших знакомых говорила: "*В доме чувствовалась какая-то особая атмосфера и было понятно, что она исходит от мамы.*" Другая удивлялась: "*Ваш дом совсем не похож на олимовский. Как будто вы здесь давно.*"

Моя мама не оставила мне богатства, но пример жизни я получила редкостный.

Из писем моей мамы

"Ну хлопоты эти радостные. А я уж стараюсь, чтобы к ее приходу Маша была уложена и ужин готов."

"Пятого января отметили Машенькино десятилетие. Пришли девочки и два мальчика. Взрослых не было. Решили этот день целиком посвятить детям. И они этим воспользовались. Было весело и шумно. Одна девочка изображала клоуна. Маша в галином махровом халате с теплым платком на голове и с закрытым зонтиком вместо клюки изображала бабу ягу. Согнулась вдвое и потом в этом положении лихо отплясывала. Воздушные шары, подталкиваемые

ребятами летали по всей комнате и дети визжали от восторга. Да была еще музыка. Родители одной девочки принесли орган, плюс наше пианино -можете вообразить какой шум, зато весело. И никто нам не указывает, не упрекает, что шумно, много ребят и вообще.”

“Здесь почему - то все очень устают. Говорят климат такой и тяжелая дорога. Вот я перемогаясь, отлеживаясь по несколько раз за день, все же веду наше нesложное хозяйство.”

“Такая радость, что хочется бесконечно повторять: покупаем квартиру. Мечтали о двухкомнатной, а получилась трехкомнатная!”

“И хоть многого не хватает, но мы совершенно счастливы. Все радует. И то, что мы одни своей семьей и что комнаты светлые и соседи хорошие и что из окон чудесный вид. Вплоть до горизонта холмы увитые зеленью, белые дома с красными черепичными крышами и белые ленты дорог. Галя даже не хочет закрыть окна занавесами, да, по правде говоря сказать, их у нас нет. Это не огорчает.”

“Я стараюсь, чтобы ей меньше оставалось дел по дому.”

“Стараюсь заниматься с Машей русским языком. Хоть немного читать и писать.”

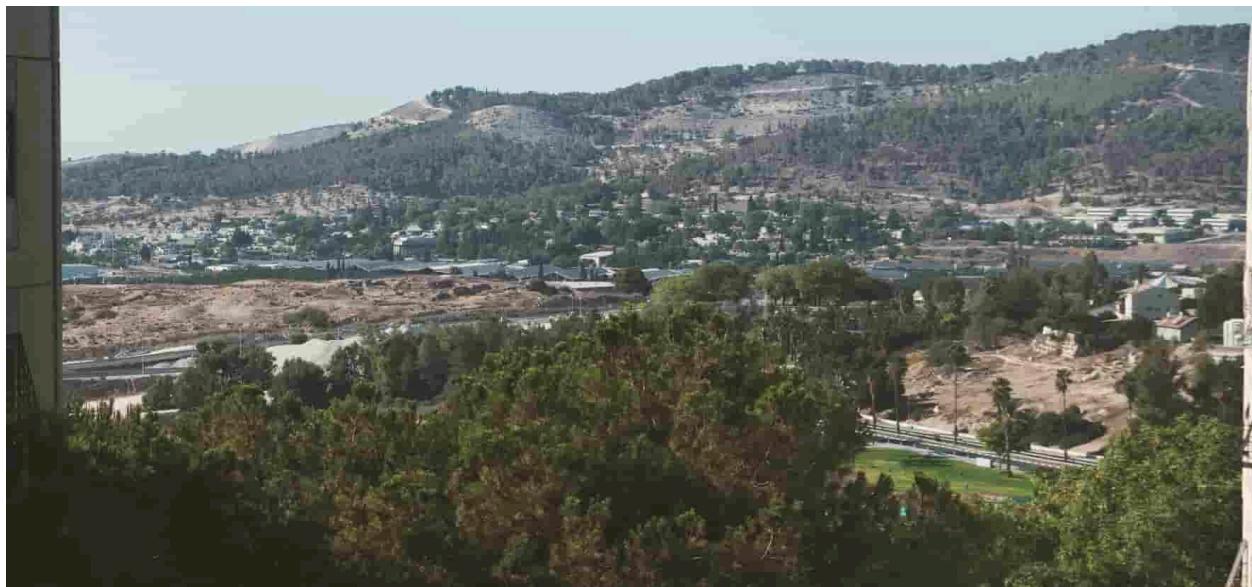
“Как то нормальнее стала жизнь.”

“Рассчитываем от безработного оптимизма перейти на реальную работу с зарплатой. Наверное с апреля. Сейчас зачитываюсь автобиографией Натальи Ильиной "Дороги и судьбы" И как мне теперь понятны описываемые ею тяготы и переживания эмигрантской жизни в Шанхае.”

“Очень добрые отношения с хозяином и его женой. Кстати, его жена занимается с Машей творой. Маша охотно к ней ходит. На днях хозяин с женой и родителями были у нас в гостях. Интеллигентные и видимо хорошие люди.”

“Спасибо огромное за поздравление с днем рождения. Думаем, вернее Галя хочет, собрать наших соседей по площадке отметить этот день. Соседи у нас очень хорошие. Одни очень заботливо и внимательно к нам относятся, а с другими не только добрососедские отношения, но и дружеские. Интересные люди и я бесконечно рада, что рядом такие люди. У них еще отличная библиотека.”

“Понемногу обживаемся, купили платяной шкаф, шкаф для книг и шкафчик для обуви. А вот стулья еще не можем купить. Зато вид из окна потрясающий. Окно, как большая рама чудесной картины. Не можем налюбоваться.”

вид из нашего окна

“Я вспомнила свои молодые, а потом и зрелые годы, когда была неоднократно членом редколегии стенной газеты. Тайком от Гали сделала юмористическую газету. Никаких фотографий типа в кругу родных, знакомых и т. п. Почти все

заголовки подобрала и вырезала из газет и журналов, и к ним рисунки тоже оттуда. Газета всем понравилась, а Галия вообще была потрясена, когда это я успела. Тем более, что за неделю до этого сделала газету для самой близкой подруги Гали."

Вот они, эти газеты!

Мамы не стало в 1995 году. Последнее время ее сердечные приступы участились и становились более продолжительными и очень болезненными. Мама знала, что любой из них может оказаться последним, знала это и я. Мама изо всех сил старалась не испугать меня, и только так сжимала руки, что ногти впечатывались в кожу. И как только боль начинала отпускать первым делом успокаивала меня: "Все, Галочка, не волнуйся, проходит."

Послесловие 2026

В силу своего возраста и наших стараний моя 7-летняя Маша не могла чувствовать, осознавать режим страны в которой родилась. Мир её детства был прекрасен. И вдруг, прямо из безмятежного детства, она оказывается среди незнакомых людей, говорящих на непонятном языке, без дома, друзей и родных - в мире, полном соблазнов и абсолютного безденежья.

И когда Маша, уже повзрослев, начала приставать ко мне: *"Пиши, пиши, как это было. Ну что я буду рассказывать своим детям?"* - я ей уступила и начала писать "как это было". Но подспудно мне хотелось ещё и показать ей, что наши нелёгкие первые годы в Израиле, все пережитые трудности, стоили того.

Сегодня я могу сказать, что моя мама, моя дочь и я - три женщины, трех разных поколений, пройдя нелегкий путь "олим ходшим ми Русия", рады, что хватило нам дерзости сделать верный выбор.

Вот мы - эти три женщины 2026г

Когда я возвращаюсь из-за границы и на пересадке - ещё в чужом аэропорту, но уже в терминале рейса на Тель-Авив - меня накрывает тёплая волна невероятного блаженства. Я улыбаюсь, глядя на раскованных израильских детишек, иврит ласкает слух, все лица кажутся родными. Возникает ощущение включённости в эту общину, чувство надёжности и защищённости - и прямо здесь, ещё в аэропорту, на пересадке, я начинаю чувствовать себя дома.

Я благодарна этой стране за это незнакомое мне прежде чувство, которого, увы, я никогда не испытывала к стране, где родилась и прожила почти пятьдесят лет.

© 2026 г. Галина Лавыгина.

Вы можете распространять и публиковать данный документ только в неизменном виде, с обязательным сохранением авторства.

Для образовательных целей используйте следующую цитату в стиле APA:

Lavigina, G. (2026г). *Каждый выбирает для себя* История Галины Лавыгиной. [PDF]. Получено [дата обращения], с <https://my-story-galina-lavigina.netlify.app/>